

ВОСТОК В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Прочитав эту статью, вы узнаете о том,

- в каком направлении идет глобальный процесс геоэкономической диверсификации экономического роста;

- в чем заключаются особенности социально-экономического развития стран Востока;

- в чем для стран Востока проявляется актуальность проблемы перехода на высокотехнологичный путь развития;

- каковы особенности взаимоотношений стран Юга и Севера в постбиполярную эпоху;

- как проявляются на Востоке процессы регионализации.

1. Новые измерения отношений Север — Юг: Восток в современной мировой системе

Диверсификация экономического роста и выход азиатских стран на первые места по объему экономики

За последние четверть века произошло восстановление Азии как основного мирового экономического центра. Здесь находится подавляющее большинство стран, которые показывали устойчивые темпы роста, превышавшие среднемировые. За этот период основной прирост мирового ВВП был достигнут именно благодаря азиатским государствам. Мы наблюдаем возвращение к ситуации двухсотлетней давности. В 1820 г. на долю США, Западной Европы, Канады и Австралии приходилось 25% общемирового на-

ционального продукта, а на долю Азии — 58%. В 1950 г. цифры были обратными: на Запад приходилось 56% мирового дохода, а на Азию — 19%. Уже в 1992 г. доля Азии составила 33%, а Запада — 45%, а в начале века их доли почти сравнялись. В соответствии с прогнозами Гарвардского университета, к 2025 г. на Азию придется 55–60% общемирового валового национального продукта, а на Запад — 20–30%.

Диверсификация экономического роста ведет к сокращению удельного веса развитых стран, в том числе США, в мировом производстве. За полвека доля Соединенных Штатов в мировом ВВП упала почти в полтора раза. Она сократилась даже в постбиполярный период, хотя это был период крайне медленного роста в Западной Европе, стагнации в Японии и резкого падения производства в Восточной Европе, тогда как для Соединенных Штатов эти 15 лет были в целом благоприятными. Сейчас доля США в мировой экономике не превышает показателей, достигнутых перед Первой мировой войной (немногим более 20%).

Это важно. Азиатские страны вышли в лидеры мирового производства, заняв места со второго по четвертое. Сейчас по размерам ВВП по паритету покупательной способности Китай обогнал Японию и вышел на второе место в мире (по данным аналитиков ЦРУ, 7,04 трлн долл. в 2007 г.). Индия вышла на четвертое место (почти 3 трлн долл.), обогнав Италию, Великобританию и Германию. К группе лидеров подтягиваются Бразилия (1,84 трлн долл.) и Южная Корея (1,2 трлн долл.), а с некоторым лагом — Индонезия (846 млрд долл.). В соот-

ветствии с прогнозами экспертов Гарвардского университета, до 2025 г. азиатские государства будут продолжать показывать самые высокие темпы роста во всем мире. По средним оценкам большинства исследователей, через 8–10 лет КНР по абсолютным цифрам ВВП догонит, а может быть, и превзойдет Соединенные Штаты, а Индия практически сравняется по этому показателю с Японией уже через 4–5 лет.

Постиндустриальный и индустриальный пути развития. Разновекторность социально-экономического развития стран Востока

Гораздо более неоднозначными являются политэкономические процессы. В течение последней четверти века на Севере (зона развитых держав) стал появляться новый социально-экономический строй, пока не получивший единого названия (существуют термины «посткапиталистическое», «постэкономическое», «постиндустриальное» общество и т.д.). Не останавливаясь подробно на всех переменах, особо отметим, что возникло новое взаимодействие производства, науки и информатики — «экономика, основанная на знаниях».

В ходе нынешней перестройки экономики в развитых странах кардинальным образом меняется характер междunarодного разделения труда. Развитые страны из поставщиков готовых изделий превращаются в экспортеров квалифицированных и капиталоемких услуг (включая финансовые) и технологий (поскольку технологическая рента становится все более осязаемым компонентом прибылей, то исследования и внедрение инноваций являются одной из важнейших сторон деятельности компаний, базирующихся в развитых странах). Сохраняют за собой они и поставки наиболее сложных и точных изделий. Развивающиеся страны из поставщиков сырья и продовольствия становятся экспортерами готовых изделий (наряду с тропическим и субтропическим сырьем и продовольствием). Если, образно говоря, раньше мы делили

мир на «город» (Север) и «деревню» (Юг), то теперь его надо делить на «офис и лабораторию» (Север), «город» (Восточная и Южная Азия, Латинская Америка) и «деревню».

Зона Юга в целом, как и Азия, отличается

гораздо более значительной гетерогенностью. Отдельное место занимает Япония, которую исследователи, как правило, относят к Северу. При этом трудно не заметить колоссальные отличия японской модели от западной в плане организации и политической, и экономической, и социальной жизни. Большой рывок совершили новые индустриальные экономики Восточной Азии, которые отстают от Севера только в количественном плане. Эти государства совершили прорыв в условиях существования авторитарных режимов, с существенными элементами тоталитаризма. Тайвань, где за полвека доход на душу населения увеличился более чем в 120 раз, не только полностью отверг «коммунистическую» систему, но и отказался от большинства основных элементов западной демократии. Цивилизационные особенности в организации производства и управлении обществом, а также в структурировании последнего, все нагляднее проявляются в таких странах, как, например, Южная Корея, Индонезия и Таиланд.

Сверхкрупные государства — Индия и Китай — стали превращаться в отдельную подсистему мирового хозяйства. Они обладают собственными закономерностями развития. В этих странах возникает новое соотношение форм собственности, включающее государственную, смешанную государственно-частную, кооперативную, частную и форму, которую условно можно назвать кланово-конфессиональной. Отсутствие доминирующей или быстрорастущей формы собственности определяет определенную автономию государства,

ВОСТОК В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

относительную независимость его от различных сил. К тому же здесь требуется сильное государство, координирующее взаимодействие укладов, поддерживающее национальное предпринимательство, связывающее воедино огромную экономику и миллиардное население и довольно широко использующее административные методы. Другая особенность этих стран — сравнительно невысокое вовлечение в международное разделение труда: по самым различным подсчетам, основной прирост производства в этих странах обусловлен внутренним спросом. Следует также отметить особое внимание к проблемам распределения и внешней политике, направленную на превращение из региональных в мировые державы. Наконец, в Китае и Индии в последние годы наблюдаются высокие темпы развития сельской экономики, в которой быстро растут промышленность, инфраструктура и сфера услуг. Поэтому темпы роста городского населения в них оказываются ниже, чем в других развивающихся странах. У этих стран сохраняются и идеологические отличия: в их конституциях отмечается ориентация на построение социализма. Возможно, что эти существенные отличия вытекают из особых закономерностей развития сверхкрупных экономик, до сих пор мало изученных экономистами.

По таким параметрам, как уровень производительности, темпы естественного прироста населения, уровень грамотности и доходов, азиатские гиганты немногим отличаются от других стран Юга. Однако огромные масштабы ВВП, высокие темпы роста, наличие прослойки, хотя и узкой, высококвалифицированных кадров отличают их от основной массы Юга.

В Азии существует также много достаточно благополучных развивающихся стран, которые благодаря стабильной политической обстановке, выгодному географическому положению, наличию дешевой рабочей силы, больших запасов сырья или редких его видов смогли ус-

пешно включиться в международное разделение труда. Особняком стоит группа арабских стран-нефтеэкспортеров, сосредоточенных главным образом в районе Персидского залива, которые смогли обеспечить за счет перераспределения нефтяной ренты повышение душевого дохода до уровня, сопоставимого с развитыми странами.

На Юге появилась и «серая зона», за которую основные мировые центры (в первую очередь США) не желают (либо не могут) брать никакой ответственности, и где не действуют общие закономерности развития системы. Отметим, например, что мировые средства массовой информации вообще не замечают международной войны в Конго (Заире), где в 1998–2001 гг. погибло более 2,5 млн человек.

Происходит как бы сужение мировой системы путем выталкивания из нее малоприоритетных государств (в которых, кстати, проживает около шестой части всего человечества). Попытки вмешательства (как в Сомали) долгое время заканчивались неудачей, поскольку в новой глобальной ситуации никто не готов к существенным финансовым затратам и гибели своих граждан ради прекращения гражданских войн в странах, не занимающих высокого места в приоритетах внешней политики ведущих государств. Мировое сообщество устранилось от какого-либо воздействия на внутрисистемные события в этой «серой зоне». После 11 сентября ситуация некоторым образом изменилась, и США были вынуждены ввести войска в Афганистан. Но это пока принесло очень мало дивидендов. Безусловно, «серая зона» расположена, прежде всего, в Африке, но и ряд азиатских стран вошли в нее.

Таким образом, можно говорить, что на Юге (по крайней мере на большей ее части) сейчас наблюдается процесс складывания индустриального способа. В прошлом во всем мире использовалась модель «догоняющего развития» и применялась на практике концепция «жу-

равлиного клина». Развитые страны были заинтересованы в определенной модернизации стран Востока, и центр мировой системы постоянно испускал на периферию капиталистические импульсы. Основной проблемой, вставшей сейчас перед зоной Юга, стала возможность переноса нового возникающего строя Севера. Учитывая кардинальную роль науки в процессе его образования, необходимо проведение анализа формирования системы современного научного знания в развивающихся обществах Востока, чтобы реально оценить перспективы будущего развития.

Возможности появления на Востоке «экономики, основанной на знаниях»

Наступление европейской техники, науки и образования (и, к сожалению, массовой американизированной культуры) в целом ряде стран Юга вызвало своеобразную реакцию отторжения. Это особенно характерно для стран Ближнего Востока и Тропической Африки. Интересно, что во всех арабских странах количество переведенных за год работ составляет пятую часть числа переводов в Греции и одну двухсотую в Испании, в которой за год переводится работ столько же, сколько было переведено за всю историю арабских стран. В результате здесь не происходит серьезного развития науки, а научные центры и университеты живут абсолютно обособленной жизнью, по существу не вступая во взаимоотношения с обществом и государством. Их связи с международными научными центрами являются более прочными. Можно предположить, что эти макрорегионы не имеют перспектив создания системы науки, в обозримом будущем там не возникнет новых взаимоотношений между наукой и производством, а развитие будет продолжать базироваться на добыче сырья и промышленном производстве, не связанном с высокотехнологическими сферами.

Другая ситуация характерна для стран Южной и Восточной Азии, которым свойственна качественно более высо-

кая степень культурной динамики и научно-технической автономности. Безусловно, данные характеристики обеспечивают способность этих стран вырваться из порочного круга отсталости, осуществить анклавную экономическую модернизацию и не только осваивать импортные высокие технологии, но и самостоятельно развивать научные исследования, встать на новую ступень научно-технической революции, что дает дополнительные возможности для расширения воздействия на процессы, проходящие в афро-азиатском мире.

Новые индустриальные страны Восточной Азии могут в ближайшем будущем перейти в категорию высокоразвитых стран. Здесь существует реальное колоссальное уважение к науке и ученым. Большую роль сыграло государство в лице правящих кругов и социальных институтов (в Восточной Азии оно традиционно гораздо сильнее, чем, например, в Южной Азии). Опыт целого ряда стран региона свидетельствует, что именно деятельность государства имела основополагающее значение при формировании новых структур, что позволило таким державам в сжатые исторические сроки перенять у высокоразвитых стран достижения научно-технической революции и завершить процессы индустриализации. К сожалению, речь идет о сравнительно не крупных странах (особенно по азиатским масштабам).

Большие сложности стоят перед азиатскими гигантами. В Индонезии, бывшей колонии Нидерландов, в колониальный период не только не развивалась наука, но и не было особых прорывов в сфере европейского образования. Ситуация мало изменилась и в настоящий момент, когда в стране, с населением в четверть миллиарда человек, очень слабо развита наука и технологическое производство. Хотя здесь удалось обеспечить достаточно высокий уровень грамотности, совокупный валовой коэффициент охвата населения начальным, средним и

ВОСТОК В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

высшим образованием меньше, чем, например, в Египте или Южной Африке. Заметно отсутствие стремления к изменению ситуации: по доле расходов на образование в ВВП и в государственном бюджете «конкуренцию» Индонезии составляют лишь отдельные африканские страны (Экваториальная Гвинея, Камерун, Мавритания). Даже страны, занявшие последние три места в мире по индексу человеческого развития (Гвинея-Бисау, Буркина-Фасо, Сьерра-Леоне), имеют лучшие показатели. При этом обращают на себя внимание региональные разрывы: в некоторых дистриктах Индонезии среднее число лет, проведенных в учебных заведениях, составляет 2,2 года. Само население также не склонно расходовать существенные средства на образование детей. Схожая ситуация существует и в плане расходов на научно-исследовательскую и опытно-конструкторскую работу.

Что касается Китая и Индии (мировых лидеров и по количеству населения, и по темпам экономического развития), то здесь проблемы лежат в другой плоскости. В азиатских гигантах наличествует широкий слой высококвалифицированных специалистов, что самым благоприятным образом сказывается на культурной динамике и научно-технической автономности азиатских гигантов.

В Китае особую роль играет государство, которое концентрирует усилия на конкретных задачах, а в последнее время развитие науки и техники признано важнейшей целью КНР. В соответствии с планом «трех шагов», предполагается, что вклад научно-технического прогресса в увеличении ВВП возрастет до 65% в 2010 г. и 80% в 2050 г. (по сравнению с 30% в конце 90-х годов), а доля вложений предприятий в НИОКР составит 60% в 2010 г. и 80% в 2050 г. (по сравнению с 23% в конце 90-х годов).

Если цивилизационную парадигму Китая можно схематично назвать этатистско-эгалитарной, то в Индии (в которой государство еще в древности было

несопоставимо слабее, чем в Китае) основной путь развития — элитарный, что непосредственно связано с кастовым наследием. Несмотря на все попытки улучшения политического, социального и экономического положения нижних страт (и реальные достижения на этом пути), разрывы в социально-экономическом развитии — между различными кастами, городом и деревней, различными регионами — снижаются незначительно. Кастовая замкнутость и эндогамия в течение тысячелетий способствовала тому, что, как правило, за человеком из варны брахманов стоят сотни поколений предков, занимавшихся интеллектуальным трудом. В результате Индия обладает колоссальным интеллектуальным потенциалом на верхнем этаже и высококвалифицированными специалистами мирового уровня. Одновременно у среднего бывшего неприкасаемого за несколько тысячелетий не было ни одного предка, который бы имел какое-либо образование и профессионально занимался умственной деятельностью. Более того, характер их физического труда, орудия и предметы труда были однотипны и примитивны. Именно поэтому Индия заметно проигрывает многим азиатским странам по качеству массовой квалифицированной рабочей силы.

Как раз в сфере образования наглядно видны отличия индийской цивилизационной парадигмы. Особенно они заметны при сравнении страны с Китаем, для которого характерна эгалитарная модель: заметно существенное превосходство КНР в плане базового образования, а Индия не уступает в плане высшего образования (до фантастического рывка Китая в начале века в этой сфере Индия была даже намного впереди).

В техническом плане и Китай, и Индия показали способность осваивать импортные высокие технологии и создавать свои. Более того, азиатские гиганты продемонстрировали способности самостоятельно развивать научные исследования:

автономное создание атомного оружия — наглядный тому пример. Однако в целом азиатские гиганты очень значительно уступают развитым странам и России в сфере фундаментальных исследований.

Колоссальным препятствием для азиатских гигантов в деле создания нового общества является объективная социально-экономическая ситуация в этих странах. Наличие огромного массива неквалифицированного (а в Индии и неграмотного) населения не позволяет им применять многие модели развитых стран. Так, нет особого смысла во внедрении новых ресурсосберегающих технологий (крайне низкая стоимость ручного труда, необходимость обеспечивать работой население и т. д.); не случайно большинство технологических достижений носит «экспортноориентированный» характер. Здесь также наблюдается ежегодный отъезд десятков тысяч наиболее квалифицированных специалистов (прежде всего, по материальным причинам), что способно уже в ближайшее время вызвать существенное ослабление позиций данных государств в высокотехнологической сфере, а в перспективе привести к резкому ухудшению культурной динамики.

Таким образом, перспективы развития Юга в целом по траектории, намеченной Севером, представляются маловероятными.

Политические последствия распада bipolarной системы

Крушение социалистического лагеря резко изменило конфигурацию мировой системы. Она приобрела формально монополярный характер, имея во главе одного лидера — США. Но эта монополярность приобретает особый характер: с одной стороны, система, которой пытается управлять мировой лидер, очень велика (около 200 стран). Из теории больших систем известно, что такой множественностью управлять из

одного центра практически невозможно. Поэтому мировой лидер пытается использовать в этих целях международные экономические организации. Однако они, так или иначе, испытывают влияние и других стран и к тому же имеют собственные интересы: т.е. не могут полностью служить только лидеру. В данных условиях тот может контролировать преимущественно внешнеэкономические операции стран — членов системы. Внутриэкономические же и внутривнутриполитические процессы оказываются слабо либо вообще не контролируемы. Отсюда — упор на политические методы (глобализация). Она, ослабляя национальное государство, дает огромные преимущества наиболее развитым странам и их корпорациям. Против же стран, которые не могут контролировать себя, возобновляется применение насилия. С другой стороны, формирование монополярной системы сопровождается сокращением относительной мощи лидера по всем показателям — экономическим (доля в мировом ВВП), военным (обладание атомным оружием и ракетной техникой), политическим (регионализация).

В целом при некотором нарастании различий между странами Севера, между ее основными центрами — США и Западной Европой, они в высшей степени заинтересованы в сохранении своего господствующего положения в системе международных экономических и политических отношений, и значительно сильнее, чем когда-либо. Это стало основным фактором, воспрепятствовавшим реализации многочисленных прогнозов, сделанных в начале 90-х годов прошлого века, о том, что конфликт между основными центрами Севера станет главным в мировой системе.

Это важно. Если в прошлом долгое время неуклонно возрастало организованное противостояние Юга сильному экономически, технологически и социально Северу,

ВОСТОК В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

то в 80–90-х годах оно ослабевало, а главное — исчез его организованный характер. Основными факторами, объясняющими это обстоятельство с экономической точки зрения, являются постоянное втягивание большинства стран Юга в новое международное разделение труда и их отмечающаяся усиливающаяся дифференциация. В политической сфере главными причинами стали крах социалистической системы и биполярного устройства мира, развал Советского Союза. Юг потерял возможность играть на промежуточном положении между Западом и Востоком и использовать противоречия между двумя системами, что в прошлом приносило ему существенную выгоду. В результате организации развивающихся стран (Движение неприсоединения, Группа 77 и др.) утратили свое значение, так как в монополярном мире их деятельность оказалась бесполезной.

Потеря организованного характера противостояния развивающихся стран развитым государствам

Характерны перемены в политике азиатских гигантов. Если в 70–80-е годы крупнейшие государства Юга пытались добиться упрочения своего положения в мировой экономике путем совместных действий с другими странами, то в изменившихся условиях они предпочитают действовать в индивидуальном качестве. Так, значительно ослабло стремление Индии укреплять свой авторитет среди развивающихся стран. Первоначально Дели прилагал усилия хотя бы для сохранения позиций Движения неприсоединения, бывшего одним из краеугольных камней внешней политики страны. Но постепенно Дели осознал, что усиления позиций в зоне Юга недостаточно для вхождения в «высшую мировую лигу», а резко обострившаяся дифференциация среди развивающихся стран препятствует организации какого-либо единого политического или экономического образования. Фактически сейчас Индия потеряла былой статус выразителя интересов освободившихся стран. Крайне осторожные позиции стала занимать и КНР.

В радикальной ломке международных экономических отношений не заинтересо-

ваны и «благополучные» азиатские страны. Помимо того что их развитие может происходить лишь на основе тесных связей с иностранными партнерами, следует учитывать еще одно обстоятельство. Элита данных государств прочно входит в «золотой миллиард» (а вот низы западного общества в него не входят) и теснейшим образом связана с Севером.

Позиция стран «серой зоны»

В подобных коренных изменениях заинтересованы преимущественно страны, попавшие в «серую зону». Однако они (как и их лидеры) не пользуются международным авторитетом и не в состоянии сплотить Юг. Поведение стран-аутсайдеров и отсутствие возможности воздействовать на них (как и отмечавшееся относительное ослабление позиций Соединенных Штатов в мировой экономике) объясняет постоянное применение насилия. Этому способствует и то обстоятельство, что в целом мировой лидер (США) не может оказывать определяющего влияния на процессы экономического развития Азии не только в отношении стран «серой зоны», мало вовлеченных в интернационализацию производства. В отношении крупнейших стран это связано с огромными масштабами их экономики и высокими темпами роста, обусловленными опорой на внутренние факторы развития.

2. Восток и проблемы глобальной и региональной безопасности

Проблема глобальной безопасности и распространение ядерных технологий в ареале стран Азии

Большие проблемы для лидера создаст и расползание ядерного оружия. В биполярный период «пороговые страны» явно опасались превращения в мини-

ядерные державы, поскольку это явно не отвечало интересам обеих сверхдержав. Пожалуй, вопрос о ядерных программах был наиболее серьезным расхождением между последними и их союзниками из числа «пороговых стран». Безусловно, США в отношении Израиля и Пакистана и СССР в отношении Индии предпочитали использовать дипломатические каналы, но их давление было весьма серьезным. В 1990-е гг. «пороговые страны», не уверенные в прочности своих международных позиций (ЮАР, Украина, Белоруссия, Казахстан), отказались от притязаний на обладание ядерным статусом, но зато другие открыто продемонстрировали свои амбиции: «официальными» ядерными державами стали Индия и Пакистан. В свете последних сентябрьских событий особые опасения вызывает наличие ядерных средств в Пакистане, одном из главных покровителей исламского экстремизма, где уже четверть века произносятся слова, что пакистанское ядерное оружие — «мусульманское» оружие. Полвека происходит непрерывный процесс исламизации Пакистана. Основная власть в стране принадлежит армии. Если в 1950-е гг. офицерский корпус был, пожалуй, наиболее вестернизированным слоем, то с конца 1970-х гг. исламисты постоянно усиливали свои позиции в армии, и сейчас основная часть вооруженных сил — убежденные фундаменталисты. Любая фанатичная организация Пакистана, практически наверняка имеющая своих людей среди тех, кто имеет отношение к ядерному потенциалу Пакистана, может получить доступ к ядерному оружию.

Очень остро стоит проблема военных ядерных программ в Иране и Северной Корее. Правда, в настоящий момент нет доказательств проведения в Иране военной программы (по данным ЦРУ, иранское правительство отказалось от планов создания ядерного оружия). Обогащение урана в этой стране, вероятно, осуществляется в мирных целях (для военной программы необходимо обогащение урана до

90%, а для мирной — 10–15%), что разрешено всеми международными соглашениями. Северная Корея уже испытала плутониевую бомбу (хотя и не очень удачно). Испытывая мощнейшее давление со стороны международного сообщества (включая КНР и Россию), Пхеньян было отказался от военной ядерной программы, но невыполнение США своих обязательств регулярно подталкивает северокорейские власти к продолжению ядерного шантажа.

Само стремление к обзаведению ядерным оружием имеет чрезвычайно серьезные последствия: это не только угроза региональной безопасности, но и подстегивание ядерных амбиций других «пороговых стран», что ведет к подрыву системы безопасности во всем мире.

Процессы регионализации (формирование региональных держав и укрепление региональной интеграции) на Востоке

На положение США в мировой системе противоречивое, но в целом негативное воздействие оказывают процессы регионализации. Под этим термином понимаются два совершенно различных явления — возрождение региональных держав и формирование региональных интеграционных группировок. Параллельное существование двух процессов — явление достаточно противоречивое. С одной стороны, региональные державы заинтересованы в придании формального статуса своим отношениям с сопредельными государствами. С другой стороны, наличие региональных отношений первого типа может препятствовать перерастанию их во второй тип, так как это способно нарушить характер отношений в системе ведущая держава — подчиненные (зависимые) государства, что и происходило в биполярный период. Ныне эти процессы могут не противоречить друг другу. В становлении региональной державы, помимо политических, определенное значение, видимо, имеют и другие факторы — экономические, культурные и даже конфессиональные.

ВОСТОК В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Среди региональных держав особо следует выделить крупнейшие полупериферийные страны — Китай и Индию. Они трансформируются в особые подсистемы, чье формирование, как представляется, было ускорено развалом мирового социализма: в жестко контролируемом мире этот процесс встретился бы с гораздо большими препятствиями. В ближайшем будущем они могут стать соперниками США в борьбе за лидерство. История повторяется — соперники появляются на периферии. Но сможет ли кто-либо из них стать лидером, зависит от взаимодействия очень многих факторов.

При обосновании цивилизационных претензий Китая и Индии на лидерство нельзя не отметить расовый фактор, на который постоянно обращают внимание, прежде всего, в Индии (противостояние «белых», с одной стороны, и «желтых», «черных» и «коричневых», с другой). Гегемония «белых» цивилизаций и культур не могла не вызвать у других сильного стремления к реваншу, а именно сейчас начинают появляться и первые возможности. Важную роль здесь играет и то обстоятельство, что общая история и единство задач, проистекающее из исторического развития и неравноправного положения в международном разделении труда, безусловно, цементируют узы стран Юга. Все это приводит к тому, что другие крупнейшие державы зоны Юга (Бразилия, Индонезия и т.д.) с геополитической и психологической точки зрения скорее склонны к сотрудничеству с Китаем и Индией, чем с Севером. Прежняя модель участия в мирохозяйственном разделении труда препятствует пока образованию подобной коалиции, но по мере экономического роста лидеров Юга подобные препятствия будут постепенно сниматься.

Для США потенциально опасными являются и другие факторы: а) азиатские гиганты принадлежат к иной экономической системе, а значит, они отнюдь не в восторге от правил игры, навязанных развитыми странами; б) независимый вне-

шнеполитический курс всегда являлся главной целью Китая и Индии, и подчинение кому-либо никак не вписывается в их планы. Гегемония Севера отвергается этими странами по политическим, экономическим и цивилизационным причинам.

В последнее время азиатские гиганты принимают самое активное участие в процессе регионализации. Индии, например, в какой-то степени удалось даже приостановить негативные центробежные тенденции, возникшие в Южной Азии. В 1985 г. была создана Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК). До сих пор ее деятельность принесла относительно мало реальных результатов, в том числе в экономической области. Однако следует учесть, что это — первая региональная организация Южной Азии, находящаяся в самом начале пути.

СААРК пока отличается от других региональных ассоциаций отсутствием консенсуса по проблемам внерегиональных, внутрирегиональных и внутристрановых источников угрозы безопасности. Весомое достижение этой структуры — создание механизма для проведения неформальных встреч и дискуссий лидеров стран. Стремление же развивать внутрирегиональные экономические связи нашло отражение в начавшемся обсуждении возможности создания в ближайшем будущем зоны свободной торговли в Южной Азии. Это позволит резко увеличить торговый оборот и взаимные инвестиции, которые и так возросли за 90-е годы.

Азия, в первую очередь Восточная, является главным внешнеэкономическим приоритетом КНР. На нее приходится более половины внешней торговли Китая. Из этого региона поступает и львиная доля иностранных инвестиций в экономику страны. За последнее время существенно вырос и уровень политических отношений Китая со странами Восточной Азии.

К числу региональных держав, помимо Индии и Китая, можно отнести Австралию и в какой-то степени Южную

Африку. Возможности формирования региональных держав в Африке все-таки еще весьма ограничены. В конце XX в. ряды региональных держав пополнились Россией и Бразилией. Представляется, что время для формирования региональных держав в Европе и Северной Америке уже ушло. Довольно трудно рассматривать и Японию в качестве региональной державы. Япония в 1990-е гг. превратилась в главного мирового инвестора и твердо заняла первое место по оказанию экономической помощи (правда, с конца столетия проявилась тенденция к ее сокращению). Но страна не проявляет готовности к политической активизации. Пример Японии показывает неубедительность тезиса о том, что экономическая мощь обязательно трансформируется в геополитическую.

Региональные державы препятствуют реализации планов Вашингтона, особенно в военно-политической сфере. Так, если бы КНР не превратилась в подобный центр, вряд ли Белый дом так долго мирился бы с существованием такой страны «изгоя», как Северная Корея.

Наличие региональной державы, как правило, ядра крупной цивилизации, способствует и нарастанию культурологического отчуждения. Региональный лидер в определенном аспекте также замыкает на себя внешнеэкономические потоки. Поэтому формирование региональных держав и регионализма налагает существенные ограничения на поведение мирового лидера.

Что касается региональных интеграционных группировок, то они представляют собой добровольное объединение ряда стран конкретного региона, основанное на международных соглашениях для достижения какой-либо общей провозглашенной цели, как правило в сфере экономики. Вместе с тем устойчивость и стабильность группировки возрастает, если совпадают и политические цели стран, основывающих региональный союз. Имеющийся опыт показывает, что создание

эффективного регионального объединения возможно лишь при относительном равенстве потенциалов, участвующих в нем государств (исключение составляет ЕС, где крупнейшие державы как бы уравновешивают/нейтрализуют друг друга). Это означает, что каждая из участниц данной организации отказывается от какой-либо части своего суверенитета в пользу наднациональной организации.

Существуют различия по степени влияния объединений на внешнеэкономические отношения. Такая региональная группировка, как ЕС (или в потенции АСЕАН и «Меркосур»), обладает огромной экономической мощью, позволяющей ей добиваться своих экономических и политических целей. Другой полюс представляет ГУАМ или одно из многочисленных африканских региональных объединений. Слабость каждого из входящих в нее государств, ограниченность экономических связей между ними, а также низкая экспортная квота всего объединения ослабляют их международные позиции. Поэтому за общим понятием регионализм могут скрываться самые различные процессы и явления, а следовательно, от типа и характера регионализма зависит и его влияние на международные отношения.

Сама эффективность региональных экономических группировок нередко привлекает новых членов, тем самым пространственно расширяя этот сегмент мирового хозяйства. Но большая выгода, а зачастую и большая безопасность операций внутри объединения из-за ослабления внешней конкуренции и усиления переговорных позиций ведут к опережающему росту внутрирегиональных связей по сравнению с международными. По достижении определенного момента («критической массы») регионализация может начать сдерживать глобализацию, так как последняя может оказаться менее выгодной и более рискованной.

Возникновение региональных объединений также в целом накладывает оп-

ВОСТОК В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

ределенные ограничения на мирового лидера. Во-первых, они достаточно крупны. Поэтому даже мировой лидер при определении своей политики вынужден так или иначе считаться с их позицией. Во-вторых, каждое такое объединение построено на компромиссных решениях своих членов. Поэтому любая серьезная подвижка в политике способна нарушить этот компромисс. Вследствие этого интеграционные объединения вынуждены при любых переговорах занимать более жесткую позицию, чем отдельная суверенная страна. В-третьих, интеграционная группировка коллективно защищает своих членов от иностранной конкуренции. Это стимулирует взаимные экономические связи. В результате законы мирового рынка действуют на членов интеграционной группировки косвенно. При таких условиях держава-лидер с трудом может использовать экономические методы для воздействия на соответствующее объединение. Применение же других методов ог-

циями, поскольку все страны являются как объектами, так и субъектами глобализации и регионализации. Как известно, процессы глобализации вызываются, прежде всего, неограниченной конкуренцией и требуют от экономических субъектов повышения эффективности всех видов операций (именно поэтому она ущемляет интересы менее развитых стран). Действия же в рамках регионализации в большей мере отвечают интересам индивидуальных стран, не только экономическим, но и политическим, социальным, культурным и т.п. За каждым процессом стоят довольно мощные силы, обладающие большим экономическим и политическим потенциалом. Существует достаточно фактов, чтобы рассматривать регионализацию не как промежуточный этап на пути глобализации, а как конечную цель, т.е. она может стать препятствием на пути дальнейшего развития глобализации.

* * *

Таким образом, изменение характера международного разделения труда приводит к качественному перераспределению ролевых функций между развитыми и развивающимися странами в рамках глобального разделения труда. Многие страны Востока все активнее осваивают роль экспортера готовых изделий, созданных на базе предоставленных развитыми государствами технологий и капиталоемких услуг. Одновременно

Это важно. Таким образом, в конце XX в. конфигурация мировой системы приобрела формально монополярный характер. Мировой лидер в этой ситуации, используя всевозможные средства, может влиять на поведение других стран. Однако он вынужден действовать в весьма противоречивой обстановке. С одной стороны, в пользу укрепления его позиций действуют сближение и переплетение интересов ведущих развитых стран, выявившееся после распада СССР, а также развертывающаяся глобализация, ослабляющая роль национального государства. С другой стороны, становление и опережающее развитие регионализации ограничивают влияние мирового лидера, вызывая повышение конфликтности. В этом же направлении действует расширение «серой» зоны — пространства постоянно увеличивающегося числа наименее развитых стран, где законы западного общества не действуют. Поэтому мировой лидер может воздействовать главным образом силовыми методами.

раничено двумя вышеотмеченными обстоятельствами.

Глобализация и регионализация являются взаимосвязанными и в то же время противоречащими друг другу тенден-

увеличивается значение регионализации как ведущей тенденции мирового развития, и весьма вероятен переход мировой системы к именно многополярному и многоцивилизационному миру, с усилением

интеграции внутри регионов и проявлением противоречий между регионами — культурными, экономическими, политическими и иными.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Покажите на конкретных примерах, в чем проявляется разноречивость социально-экономического развития стран Востока.

2. Как политика отдельных стран Востока в сфере образования воздействует на формирование «экономики знаний»?

3. Каким образом в постбиполярную эпоху мировой лидер пытается обеспечить свой контроль над мировой системой?

4. Почему в 80–90-х годах произошло ослабление организованного противостояния Юга экономически, технологически и социально сильному Северу?

5. В свете угрозы распространения ядерного оружия — в каких странах Востока наиболее остро стоит проблема национальных ядерных программ?

6. Назовите основные региональные державы на Востоке и обоснуйте свой выбор.

ЛИТЕРАТУРА

Основная

1. Воскресенский А.Д. Политические системы и модели демократии на Востоке. М. : Аспент-пресс, 2007.

2. «Геном» Востока: опыты и междисциплинарные возможности / отв. ред. А.М. Петров. М. : «Гуманитарий», 2004.

3. Лунев С.И. Трансформация мировой системы и крупнейшие страны Евразии. М. : Academia, 2001.

4. Политические системы и политические культуры Востока / под ред. А.Д. Воскресенского. Изд-е 2, доп-е. М. : Восток — Запад, 2007.

5. Современные международные отношения и мировая политика : учебник для вузов / отв. ред. А.В. Торкунов. М. : Просвещение, 2004.

Дополнительная

1. Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М. : Международные отношения, 2004.

2. Восток — Запад: региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / отв. ред. А.Д. Воскресенский. М. : РОССПЭН, 2002.

3. Глерию Широкову: Я хотел бы поговорить с тобой / отв. ред. А.М. Петров. М. : Гуманитарий, 2006.

4. Глобальное сообщество: новая система координат / под ред. А. Неклессы. СПб. : Алетейя, 2000.

5. Кеннеди П. Вступая в двадцать первый век. М., 1997.

6. Лебедева М.М. Мировая политика. М., 2006.

7. Мировая политика : учебное пособие / под ред. С.В. Картунова. М. : Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2007.

8. Пай Л. Незападный политический процесс // Политическая наука. 2003. № 2.

9. Панарин А.С. Политология. Западная и восточная традиция. М. : Книжный дом «Университет», 2000.

10. Панарин А.С. Политология: о мире политики на Востоке и на Западе. М., 1999.

11. Уткин А.И. Мировой порядок XXI века. М., 2002.

12. The World We Are Entering. 2000–2050 / Ed. By Immanuel Wallerstein, Armand Clesse. Amsterdam: Dutch University Press, 2002.

Интернет-ресурсы

1. Китай: угрозы, риски, вызовы развитию / под ред. В.В. Михеева. М. : Московский центр Карнеги, 2005. URL: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books/72887.htm>

2. Системная история международных отношений / под ред. А.Д. Богатурова. Т. 3. URL: <http://www.obraforum.ru/lib/book3/titul.htm>

3. Угрозы режиму нераспространения ядерного оружия на Ближнем и Среднем

ВОСТОК В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Востоке / под ред. А. Арбатова и В. Наумкина. М. : Московский центр Карнеги, 2005. URL: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books/9380arbatov4.pdf>

4. У ядерного порога: уроки ядерных кризисов в Северной Корее и Ирана для режима нераспространения / под ред. А.М. Арбатова. Московский центр Карнеги, 2005. URL: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books/76528.htm>

5. Ядерное противостояние в Южной Азии / под ред. А. Арбатова и Г. Чуфрина. М. : Московский центр Карнеги, 2005. URL: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books/9328arbatov21.pdf>

6. Ядерное распространение в Северо-Восточной Азии / под ред. А. Арбатова и В. Михеева. М. : Московский центр Карнеги, 2005. URL: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books/9359arbatov3.pdf>